

ДОМИНАТНЫЕ КОНЦЕПТЫ *ДУША* И *СУДЬБА* В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКИХ

Развитие межкультурных связей диктует свои особые условия. Ещё десятилетие назад для международного общения было вполне достаточно знать английский язык. Но сегодня уже не актуально просто знать ещё один иностранный язык. Необходимо понимать самих носителей языка, понимать их культуру и мировосприятие, что позволит развивать более плодотворное всестороннее международное сотрудничество. Совершенно не случайно особенную актуальность имеет научное направление когнитивная лингвистика, в русле которой и выполнена данная диссертация. Культура как материальная и духовная ценность народа вербализуется в языке. Язык в свою очередь является живым материалом, который постоянно развивается и совершенствуется. Так как культура и язык тесно взаимосвязаны, изучая язык, мы можем более полно исследовать культуру, и наоборот.

Считается, что язык мёртв без употребления фразеологизмов и крылатых фраз. Ведь сущность языка скрывается именно в особенных выражениях, которые мы можем употреблять только при их полном понимании. И тут нам приходится опять обращаться к культуре и истории языка и народа.

Современный этап в развитии фразеологии как лингвистической дисциплины характеризуется пристальным вниманием не только к вопросам семантики фразеологических единиц, но и концептологии в силу того, что концепт является основной единицей гуманитарной науки. Появляются отдельные работы относительно отдельных концептов фразеологии.

В настоящее время многие исследователи относят к доминантным концептам *душу* и *судьбу*. Эти концепты встречаются в разных культурах не только в пословицах и поговорках, но и в мифах, различных видах искусств, религии, поэзии, эпосах, и т.д. Рассматривая вопрос об универсальных концептах, А. Вежбицкая отметила, что при национальном своеобразии понимания судьбы в разных культурах, тем не менее, выделяется универсальное концептуальное представление о том, что есть что-то не зависящее от человека в его жизни. Если продолжить эту мысль по отношению к *душе*, то можно утверждать, что кроме материального тела человека, существует что-то нематериальное. В силу универсального слоя концептов совершенно понятно, что эти концепты постоянно оказываются в центре внимания концептологов (обратим внимание на то, что языковые знаки *судьба* и *душа* денотата не имеют).

В качестве материала для исследования нами привлекаются только фразеологизмы русского и китайского языков с компонентами *судьба* и *душа*. При выборе фразеологизмов, в состав которых входят эти компоненты мы исходили из того, что, несмотря на различия в менталитете и традиционной духовной культуре, нашедших отражение, естественно, и в языковых

стереотипах, в исследуемых языках неизбежно должны присутствовать устойчивые словосочетания, соотносимые по характеру внутренней формы с тем образным представлением, которое положено в основу целостного фразеологического значения. Эта соотносительность может основываться на упомянутых универсальных, «наднациональных» представлениях. В этом отношении понятие души оказывается очень значимым как для русской, так и для китайской фразеологии, но, конечно же, выявились и отличия, в том числе безэквивалентные, что можно сказать и о компоненте *судьба*.

Исследование фразеологических единиц с компонентами *душа* и *судьба* как отдельной группы фразеологии представляет новый аспект изучения русских единиц языка в зеркале китайских. В белорусской лингвистике сопоставление русских и белорусских фразеологизмов с компонентами *душа*, *судьба* и *тоска* изучала С.М. Прохорова. Свой интерес к этим компонентам она объясняла тем, что известнейший лингвист А.Вежбицкая отнесла концепты *душа*, *судьба*, *тоска* к основным концептам русской культуры (в нашей работе *тоска* не рассматривается в силу полной безэквивалентности, которую С.М. Прохорова отметили даже в русском и белорусском языках).

Нам представилось интересным проследить, как «поведут» себя русские концепты *душа* и *судьба* в зеркале китайских. Картины мира, рисуемые разными языками, имеют как схожие черты, так и различные. Противопоставление души и тела как «высокого» и «низкого» – константа русского языкового сознания и всей христианской культуры в целом.

Национально-культурная семантика проявляется в словах, фразеологизмах и языковых афоризмах (поговорки, крылатые выражения). На формирование концепта оказывает влияние «окружающая среда» (языковая, социальная, культурная, физическая), в ходе взаимодействия с которой приобретает соответствующий опыт. Существование концептов заключается в постоянном их проявлении и возникновении.

При анализе фразеологизмов мы использовали методику анализа ассоциаций на уровне гештальта.

Хотелось бы представить наиболее интересные выводы по проделанной нами работе.

Китайские фразеологизмы, в отличие от русских, лишены какой бы то ни было вариантности. Китайские фразеологические единицы имеют чётко регламентированную структуру и состоят в большинстве случаев из четырёх иероглифов.

Душа мыслится в русской культуре прежде всего как живое существо, в русской языковой картине мира *душа* является синонимом слова *человек*. Например, *ни одной души, мёртвые души*.

Одному языковому знаку *душа* в русском языке соответствуют два в китайском 魂 «хунь» и 魄 «по», они могут являться компонентами китайских фразеологизмов. В русских фразеологизмах выступает только один компонент *душа* как «высокое» в противоположность *телу*. В китайских фразеологизмах существует противопоставление двух *душ*, «высокой» 魂 «хунь» и «низкой» 魄 «по», а не противопоставление *душа* – *тело*. Например,

с чистой душой, святая душа. А в китайском, 迷魂夺魄 *закружить Хунь и отнять По* (сильно увлечься чем-то прелестным, помешаться на чем-либо).

В китайской наивной картине мира компоненты *Хунь* и *По* употребляются в конкретных фразах, которые касаются страха, растерянности. Например, 失魂落魄 *потерять Хунь и уронить По* (растерянный вид; панический (перепуганный) вид).

Как и у русских, у китайцев *сердце* считается основным местом нахождения души. Например, *душа (сердце) болит, душа в пятки ушла*, а в китайском: 痛心入骨 *Сердечная боль входит внутрь кости* (Испытывать сильную душевную боль).

В китайском и русском языках основные концептуальные признаки *сердца* сходны из-за единой физиологии и анатомии.

Русские *душа* и *сердце* могут иметь значение ‘человек’: *открытая душа, чёрная душа*. По мнению исследователей, кроме значения ‘человек’, в русских фразеологизмах *душа* может иметь значения ‘одежда’ (*душа нараспашку*), ‘поверхность’ (камень с души свалился), ‘сосуд’, ‘вместилище’ (*открытая душа*), ‘объект’ (*душа (сердце) не на месте*), ‘живое существо’ (*душа ушла в пятки*) (Прохорова, 1999, 33). Во всех этих случаях компоненту *душа* в китайском языке соответствует только *сердце* 心.

Приведём некоторые русско-китайские соответствия: *душа(сердце) не на месте* – 心不在焉 *сердце не на месте*; *душа нараспашку* – 心直口快 *прямая душа и откровенные уста*; *добрая душа* – 心地善良 *доброе сердце*.

При рассмотрении названий животных в составе рассмотренных фразеологизмов, выявляется национально-культурный компонент. Значение ‘трусость’ передаётся в русской фразеологии посредством образа зайца (*заячья душа*), а ‘беспокойство’ — кошки (*на душе кошки скребут*), в китайской наивной картине мира ‘трусость’ связана с образом мыши (胆小如鼠 *жёлчный пузырь маленький, как у мыши*), ‘беспокойство’ — муравья (心乱犹如热锅上的蚂蚁 *сердечное беспокойство на сердце, как муравьи бегают на сковороде*). Характеристика плохого человека связана с образом волка и змеи: 狼心狗肺 *с волчьим сердцем и собачьими лёгкими*, 狼子野心 *волчонок с дикой душой*, 佛口蛇心 *уста Будды и змеиное сердце*.

Особенностью китайской наивной картины мира является то, что *сердце* (=душа) выступает как *учитель*: 师心自用 *относиться к своему сердцу, как к своему учителю*.

Фразеологизм *русская душа* существует во многих языках как безэквивалентный. Русская *тоска* является типичным русским культурным концептом.

В свою очередь в китайском языке существуют тоже безэквивалентные варианты, такие как *Сяожэнь, Цзюньцзы, Сыма Чжао, Ян-Сан*. В них отразилась история Китая: 司马昭之心, 路人皆知 *сердце Сыма Чжао известно всем и каждому* (соответствует русскому *секрет полишинеля*); *помыслы сердца Ян-Сан* (успех в бизнесе). Цзюньцзы – «совершенный или благородный муж», благородному человеку противопоставляется «низкий человек» (по-китайски *сяожэнь* – «подлый и скверный человек»). К учению

Конфуция восходит фразеологизм *посредством сердца Сяожэнь измерять ширину живота у Цзюньцзы*, который употребляется в значении «плохо думать о хороших намерениях человека».

Концепт *судьба* является наряду с концептами *душа* и *тоска* одним из основных концептов русской культуры. Словом *судьба* человек объясняет свою веру в свою реальную зависимость от внешних обстоятельств и наделяет *судьбу* сверхъестественной силой. Говорят: *в руках судьбы, волею судеб, судьба посылает, бросить на произвол судьбы*. Китайское выражение *и в жизни и в смерти заложена судьба, богатство и знатность решена небесами* 生死有命, 富贵在天 (соответствует русскому *судьбу не обойдешь*).

Любопытную параллель использования *судьбы* в качестве квазисинонима *жизни* можно найти в китайском языке. Согласно Вальше, «китайский эквивалент слова *судьба* – 命 часто употребляется как синоним *жизни*, рассматриваемой как отрезок существования, границы которого жестко фиксированы, так что долгий 命 — это не что иное, как еще одно обозначение долгой жизни» (Walsch, 1912, 783). Но в русской *судьбе* на первом плане не столько *отрезок* существования, границы которого жестко фиксированы, сколько *течение* жизни, или то, что русский называют *жизненным путем* – и в русском языке именно весь этот *путь* (а не его начальная и конечная точки) рассматривается как предопределенный – не в каждой его детали, а в целом. Это различие важно, поскольку оно, возможно, соотносится с различиями существующих типов фатализма. (А. Вежбицкая, 1995, 87)

В традиционных китайских представлениях *судьба* воспринимается как существо значительно более сильное по сравнению с человеком. Идея *судьбы* как существа с изменчивым характером прослеживается и в русском фразеологизме: *послушать, как небо принимает решение, и оставить судьбе на произвол* – 听天由命 (*покориться своей судьбе*; семантически соответствует русскому *отдаться на произвол судьбы*).

В китайском языке метафорическое значение слова *судьба*, как и в русском, может принимать негативную окраску. Например, выражение *и в жизни и смерти заложена судьба* 生死有命, *множество препятствий, выпадающих на судьбу* 命运多舛, *ухабистая судьба в парадоксальное время* 命蹇时乖. Китаец не предпринимает реальных действий, чтобы выбраться из затруднительного положения, а полагается на судьбу, которую невозможно изменить. Русский человек воспринимает *судьбу* как неизвестность, скрывающую угрозу и таящую множество препятствий, в сознании русского человека неизвестность приравнивается к злу, беде: *слепая судьба, удар судьбы, судьба-злодейка*.

В китайском языке, когда «мин» 命 соответствует русский компонент *судьба*, она выступает чаще всего в виде живого существа, но может и овеществляться. Например, 命薄如纸 *тонкость судьбы как бумага* (у кого-то очень хрупкая и деликатная судьба).

В русских фразеологизмах *судьба* еще рассматривается как жребий, что не имеет эквивалентов в китайском языке. Например, *на произвол судьбы, игра судьбы*.

Таким образом, в китайском языке компоненту 命 «мин» соответствуют в основном четыре значения: 1) ‘судьба’: 命里注定 *предопределённая судьба* (в суеверных представлениях древних китайцев считается, что судьба давно была предопределена для каждого человека); 2) ‘жизнь’: 命若悬丝 *жизнь, как подвешенная на волосок, в любой момент может оборваться* (стоять на грани гибели); 3) ‘приказ’: 不辱君命 *не позорить приказ императора* (замечательно выполнять приказ императора); 4) ‘назвать’: 命词遣意 *назвать слова для пропаганды идей* (выражать идеи и мысль письменностью), 有才无命 *иметь талант, но не иметь название* (иметь талант, но ещё не добиться успеха). Все китайские фразеологизмы, где «мин» 命 соответствует русскому *приказ и называть*, не имеют соответствий в русском языке.

При сравнении русских фразеологизмов, содержащих компонент *судьба*, с аналогичными примерами из китайского языка можно выявить закодированные в них концепты, отражающие особенности китайского и русского самосознания.

Сравнение русских и китайских фразеологизмов дало нам материал для выявления сходных и отличительных особенностей в мировоззрении двух народов – русского и китайского. Данный материал можно успешно использовать в переводческой деятельности.

Литература

1. Walsche W.G. Fate (Chinese)// Hastings, v.5, p. 783-785.
2. Вежбицкая А. Судьба и предопределение / Международный философский журнал – Москва, 1999. С. 82–149.
3. Прохорова С.М. Сопоставительный анализ русских и белорусских фразеологизмов с компонентами Душа, Тоска, Судьба / Национально-культурный компонент в тексте и языке, материалы международной научной конференции 7-9 апреля 1999 г., – Минск, 1999. Т. 2, с. 31–34.